

деляемая группой людей, преобразующих ее в нормы, интересы, ценности, идеалы и представления о смысле жизни»¹.

Можно выделить следующие функции музыки с точки зрения воздействия ее на человека. Во-первых, это эстетическая функция: она удовлетворяет потребность в бескорыстном наслаждении. По всей видимости, эта функция является основной. Во-вторых, это постижение бытия. Как было показано выше, подобное постижение бытия своеобразно в силу воздействия музыки в первую очередь на эмоциональную сферу человека. В результате выполнения музыкой этих функций становится возможным осуществление ею воспитательной функции - формирования нравственных качеств личности. Особенно тесно она связана с конкретным содержанием музыкального произведения. И, в завершение, можно выделить дополнительные функции, вытекающие непосредственно из воспитательной: идеологическую и организационную.

Из вышесказанного ясно, что занятия музыкальным творчеством обладают большими возможностями в сфере формирования как индивидуально, так и социально значимых качеств человека.

Литература

1. Художественная жизнь современного общества. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. Спб., 1996. С. 23.

Н.М. Чернышева

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В «ПЕРМСКОЙ ИДЕЕ»

Период культурной трансформации, который переживает Россия, связан с КРИЗИСОМ ИДЕНТИЧНОСТИ, свойственным как обществу в целом, так и каждому человеку в отдельности.

В данной работе хотелось бы обратить внимание на два художественных проекта, начатых в Перми некоторое время назад, причем рассмотреть их как пример поиска идентичности, осуществляемый художниками (в широком смысле этого слова). Речь идет об акции «Вперед в третье тысячелетие», проводимой лабораторией Современного искусства под руководством Ю.Н.Лапшина, и Параллельном Пермском проекте, автором которого является Н. Шостина.

Сначала рассмотрим пространственные характеристики данных акций. Участники и того, и другого проекта сознательно выступают против моноцентризма, свойственного российской жизни. Москва не воспринимается как единственная возможность преодолеть границы региона, наоборот, целью является налаживание прямых контактов, основанных на личных взаимоотношениях. В качестве партнеров приветствуются не официально признанные культурные столицы, а провинциальные города России

и зарубежья, потому что именно они объявляются носителями национальных культурных традиций и ценностей, в отличие от космополитичных столиц. Провинция, по мнению авторов, должна стать одновременно и хранителем древностей, и генератором новых художественных идей.

В обеих акциях особое место уделяется понятию почвы, как категории, неразрывно связывающей географическое пространство с духовными процессами. Представление о почве носит мистическую окраску, посему для художника необходимо установить контакт с землей как источником художественной энергии. Вопреки господствующему до сих пор имперскому мышлению со свойственным для него притязанием на колонизацию пространства, участники акций стремятся привязать свое самоопределение к малой родине. Тогда отечество из абстрактного геополитического понятия превращается в чувственное, привязанное к повседневному ландшафту.

Что касается времени, то оба проекта не избежали привязки к третьему тысячелетию. В них вектор движения направлен вперед, к переходу через заветный рубеж. Будущее всегда было притягательной категорией в российской культурной традиции. Несмотря на опасения по поводу Апокалипсиса, вера в возможность царства Божия на земле доминирует.

Художественный марафон, по идее Ю.Н.Лапшина, должен завершиться созданием полотна, состоящего из работ современников, посвященных их сегодняшнему самоощущению. Однако картина многоликого Сегодня не самодостаточна, на нее возложена функция Вчера, которое мы возьмем с собой в Завтра. Наблюдается явное бегство от сегодня, проскакивание момента настоящего.

Параллельный Пермский проект во многом аналогичен. Содержанием performance'а стал миф, увиденный из будущего, представителями некоего параллельного измерения. Поиск идентичности погружает художников в прошлое, которое они воспроизводят в современных формах, имеющих, кстати, много схожих с архаикой элементов. Но современность используемых приемов не тождественна полноценному проживанию настоящего, потому что прошлое здесь - это не помощь в обретении идентичности, а ее замена. Было прошлое, значит, должно быть настоящее, которое, однако, проскальзывает сквозь пальцы и обретает смысл, только став прошлым, что и произойдет, когда наступит третье тысячелетие. Человек оказывается как бы выброшенным из реального времени и вновь устремляется к поискам темпоральной опоры.

Отказав настоящему в самодостаточности, художники обрекли себя на неприкаянность во временном континууме. Это усиливает их почвеннические настроения, облакаемые во все более мистические формы. Пространственная идентичность, таким образом, должна компенсировать отсутствие самоопределения во времени.